

Мария Кротова

Кротова Мария Олеговна родилась в 1987 г. Окончила Российский государственный педагогический университет по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Работает в компании сотовой связи. Участвовала в фестивалях «Новый Транзит», «Глубина», «Ad Libitum», «ЛитератураРентген». Участник АСУП-3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов М.К.

Традиции, направления, течения: модернизм, сюрреализм, метареализм, постмодернизм, соц-арт.

Основные имена влияния, переклички: Д. Хармс, И. Иртеньев, Н. Искренко, Т. Кибиров.

Основные формальные приемы, используемые автором: ирония, интертекст, литературные клише, игровые стратегии, многоуровневые образы, метонимические перифразы, окказионализмы, макаронизмы, аграмматизмы, графодеривация.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: абсурд, одиночество, маргинальность, самоирония, быт, алкоголь, умирание, разложение, диалог с культурой, поэзия и поэт.

Творческая стратегия: эстетизация маргинальности как способа существования поэта.

Коэффициент присутствия: 0,48

АВТОБИОГРАФИЯ

Я появилась задолго до того, как молодая казачка Анна Любчик приехала из Пятигорска в Свердловск и стала стоматологом. Я была предвкушением, ожиданием, я угадывалась в дуновении ветра, и старый орех около дома Любчиков в станице Горячеводской уже знал, на какой ветке буду сидеть я много лет спустя.

Еще обо мне знала татуировка – изображение узкоглазой головы в шлеме – защитник какого-то китайского рода, на руке молодого повесы зубного техника Рудольфа Зуева. Он считал себя уникальным, и я буду определенной странностью для него через много лет, я буду еще одним Рудой.

Молодую семью отправили в Сарану, тогда еще перспективный развивающийся поселок с заводами, обычной школой, огромной, и маленькой – музыкальной, с клубом, Домом спорта и надежной больницей. Местные – староверы – с неохотой принимали всех приезжих. В общем, все равно было неуютно: чужой так чужой.

Три саженца яблони-дички обсуждали между собой, в какую сторону вырастить будущую ветку, чтобы я могла уцепиться за нее через много лет, когда буду падать.

Старая черная гробина «Урал» каждой своей клавишей вспоминает грядущее: слезы и истерики, проклятия нудным этюдам Гедике и несчетное количество ударов головой неуклюжего ребенка, разбрасывающего свои игрушки вокруг пианино. «Урал» вспоминает каждый удар, но не может рассказать об этом маленькой девочке с глазами-звездами, сидящей перед расплывающимися и скачущими от слез в разные стороны нотами.

Это Ира. Перед ее рождением Анна Владимировна пожелала, чтобы ее дочь родилась самой красивой. Еще у Иры маленький брат Андрюшка – вот кому достанется больше всех, когда самая красивая Ира, студентка нижнетагильского филфака, родит щекастую девочку с вечно сдви-

Дедушка Рудольф, бабушка Анна и мама

Мама, Ирина Рудольфовна

М.К., 2007 г.

нутыми бровями. Круглая проблема ходила за взрослеющим Андриюшкой толстым рудиментным хвостом, лишкими от сладостей ручонками хватала его пластинки и чертежи, несколько раз подбиралась к фотоаппарату и даже написала на магнитофон.

Вот и все. Это я. Бабушка с дедушкой как раз к моему рождению вошли в тот психологический возраст, когда человек на самом деле готов завести детей – 50 лет. И я явилась их третьим ребенком. Так и осталось: «У нас Ириша – дочь, Андриюша – сын и Маша – ребенок».

Деда, смирившийся с ролью отца, охранял все мое фантастическое детство, более всего от домашних забот. Он считал, что рогатки, велосипеды и скачки по гаражам – то, что нужно маленькой девочке. Бабушка же была убеждена, что гораздо полезнее будут походы в лес и созидательный труд на даче. В одном они сходились: удочка нужна всем, рыбалка!

Еще мне известно теплое и, как будто бы вибрирующее, чувство ожидания мамы. Потом мама меня увезла. И началась тоска по бабушке. И еще была куча разных школ. Потом они все остались в прошлом, и никто особо не удивился, увидев меня на филфаке УрГПУ: побитая жизнью и падениями с постаментов позолоченная голова Лермонтова уже давно ждала меня там. Стоит уточнить, что про стихи я писала контрольные по мере необходимости. А когда открыли дополнительную специализацию «литературно-художественная критика», деканат оплатил мое там обучение. Эту самую нелегальную специализацию, собственно, я и считаю апофеозом своей учебы на филфаке. Практику по критике я прошла у Н.Л. Лейдермана, Н.В. Барковской, вроде бы даже в журнале «Урал». Почему я не пишу? Я пишу. Только

никто не видит. Я ведь литературоведом быть хотела, не поэтом никаким и не критиком. Моя несказанная лженаука – вот к чему я стремилась и на что забила, перешагнув порог университета. Я пишу, но еще не готово. Я еще недостаточно хорошо освоила теорию перевода, чтобы тянуть руки к оригиналам Пратчетта. Да, на иняз я попала случайно, пока прохладжалась на филфаке, но теперь уже поздно об этом думать: осталось закончить пятый курс...

Бабушка говорит, что белиберду всякую я начала рифмовать еще в садике. В общем-то, поэтому ей и пришлось учить меня писать так рано. Все благополучно уничтожено, внимания не стоит. Если что, там было что-то про молодецкую удачу Мурзика-кота (полагаю, обычная припевка для тискания кошек). Еще потом в школе зачем-то просили меня прочесть какую-то самосочиненную ахинею про «мой дом». В школе я, естественно, стеснялась и не понимала, зачем об этом всем сообщать, ну придумала я в рифму, и что? Все это просто шутка, я и бабушке-то показала ради шутки. А потом пошло-поехало. Теперь бабушка говорит, что мои стихи некрасивые, они вообще мало кому нравятся в моей семье: брату Темке и Андрею Ивановичу, нашему отцу.

В «ЛебядкинЪ» с А.Ю. Санниковым, как и все, попала случайно: Барковская отправила на разведку. Это мой учитель, через литературный лес я пробиралась по ее зарубкам. Вот тогда, попав в «ЛебядкинЪ», я поняла, что поэзия – это весело. А вообще, первые, кто поверил в меня и втащил в литературу, были Ю.В. Конецкий и Л.А. Ладейщикова. Недолго, но они со мной понянчились, пока я еще прочно не вошла в «переходный возраст». Потом последовали подземки, автостопы... но это другая история, она меня не касается.